

очередь детерминировали в этническом сознании в качестве основных определенные ценностные ориентиры и наиболее приемлемые поведенческие установки. В данном контексте возвращение героя в «свой» мир — наиболее устойчивый финальный рефрен в осетинской волшебной сказке — соотносится с одним из наиболее устойчивых поведенческих стереотипов: обязательность возвращения в свой макро- и микро-социум.

В традиционном осетинском обществе проблемы «наследования власти» в принципе не существовало, а прочность межсословных и межстатусных перегородок не подвергалась испытаниям. Отсюда и расстановка смысловых акцентов в осетинской сказке. И если композиционная схема развития сюжетного типа, связанного с воцарением героя, частично сохранена, то результаты, обычно венчающие подобное его развитие в классической европейской волшебной сказке, в осетинском варианте алогичны, находясь в сфере сугубо практического интереса. Сказка потеряла архетипическую цельность, а социальная конкретика, заместив мифологические архетипы сознания, актуализировалась в более понятных и практически значимых для социума ситуациях и ценностях, обозначенных посредством сказочного финала.

Библиография

Пропн В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

Д.С. Бугаев

ВОЕННЫЕ НАЕМНИКИ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КАРТЛИ-КАХЕТИНСКОМ ЦАРСТВЕ

Первые работы по положению народов Северного Кавказа в Картли-Кахетии появились в конце XVIII в. Их авторами были путешественники, исследователи и представители военного ведомства Российской империи, а также других европейских и азиатских государств. В середине XX в. появились работы по контактам Грузии с каким-либо одним из северокавказских народов в определенный период (Тогошвили 1959; Шавхелишвили 1963). Научный интерес к политико-админи-

стративному прошлому как Грузии в целом (Метревели 1987), так и отдельных ее частей (Из истории взаимоотношений 1991) вышел на новый виток развития накануне распада СССР и в последующие годы национального самоопределения грузинского, осетинского и абхазского народов.

Представляется, что во времена Российской империи российские и зарубежные ученые в своих исследованиях исходили из реальных политических, экономических и культурных границ. В советские же годы и в настоящее время идея общегрузинских исторических, культурных и политических процессов не дает возможности в достаточной мере изучить уникальность существовавших у грузинского этноса локальных государств.

Для начала определим обе стороны этих контактов. *De jure* Картли-Кахетинское царство возникло в 1762 г. со смертью Теймураза II (1690–1762), *de facto* этот государственный организм возник уже в 1744 г., когда при активном вмешательстве Персидской империи царством Картли стал править отец Теймураза II, а Кахети — его сын и преемник трона Картли Ираклий II (1720–1798). Картли-Кахетинское царство прекратило свое существование в 1801 г. вследствие вхождения в Российскую империю. Таким образом, хронологические рамки существования Картли-Кахетинского царства ограничиваются периодом 1744–1801 гг.

Заметим также, что по причине географического положения Картли-Кахетинского царства основными народами, которых его правители могли приглашать для выполнения определенных функций в своем государстве, были народы Северного Кавказа: черкесы (адыги), осетины и вайнахи (чеченцы и ингуши). Эти народы на протяжении многих веков (вплоть до исследуемого периода) являлись коренными жителями Северного Кавказа.

В Картли-Кахетинском царстве ввиду преобладания невоенизированного населения первостепенное значение имела проблема комплектования армии для борьбы с сезонными набегами дагестанцев. И государство в разные периоды использовало три основных источника комплектования армии: наемники из числа жителей Северного Кавказа, воины *мориге*, солдаты российской армии.

Институт приглашения воинов с севера, из-за Большого Кавказского хребта, был для грузинских государственных формирований на тот момент многовековой традицией (Из истории взаимоотношений 1991: 5). Причиной этому была сильная изолированность друг от друга территорий севернее и южнее Большого Кавказского хребта. Проходимость перевалов зависела от значительных климатических изменений, роль которых в советской историографии по данной тематике не учитывалась.

Перейдя через Большой Кавказский хребет, отряды наемников оказывались в стране с преобладающим грузинским населением, из

которой на родину можно было вернуться лишь на несколько месяцев в году по разрешению местных властей через узкие, хорошо охраняемые перевалы. Власти Картли-Кахетии в своей демографической политике не стремились переселять выходцев с Северного Кавказа южнее Большого Кавказского хребта.

Функционировавшая во времена Картл-Кахетинского царства в узких проходах и перевалах Большого Кавказского хребта система укреплений ограждала не только от вторжения врага с севера, но и от самовольного ухода одиночек и отрядов наемников на родину. Приход и усиление на Северном Кавказе в конце XVIII в. Российской империи пресекли транскавказский многовековой путь комплектования грузинской армии.

В 1769–1772 гг. и в 1783–1786 гг. военный вопрос для Картли-Кахетии решался не за счет наемников, а за счет войск северного соседа — Российской империи. В 1769–1772 гг. в Картли-Кахетии действовал отряд генерала Тотлебена, в 1783–1786 гг., согласно условиям Георгиевского трактата 1783 г., — два батальона.

После первого ухода русских из Картл-Кахетии (1772 г.) в 1774 г. была создана новая система войска — *мориге*, согласно которой мужская часть населения месяц в году несла военную службу. Новые вооруженные формирования в течение сравнительно долгого времени могли выполнять полицейскую функцию.

Привлечение для военной службы российских войск и создание собственных (в функции милицейских) формирований *мориге* снижало ту роль, которую играли воины-наемники с Северного Кавказа. После присоединения обоих грузинских царств к России в отношении грузин с народами Северного Кавказа активно стала вмешиваться администрация империи. Это свидетельствует о том, что в XIX в. между вайнахами, осетинами, черкесами и Картли-Кахетинским царством стали преобладать не военно-политические (как в XVIII в.), а торгово-экономические отношения.

Библиография

Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов. (Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области) / Ред. Н. Церетели. Тбилиси, 1991.

Метривели Г.А. Внутреннее положение и внешнеполитические отношения Грузии во второй половине XVIII в.: Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. Тбилиси, 1987.

Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV века). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1959;

Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV века). Грозный, 1963.